

ПАЛЛАДИАНСКАЯ РОССИЯ

НИКОЛАЙ ЛЬВОВ

И МИФ РУССКОЙ УСАДЬБЫ

Василий Успенский

С 23 АПРЕЛЯ ПО 26 ИЮЛЯ 2015 ГОДА В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «ЦАРИЦЫНО» И ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ АРХИТЕКТУРЫ ИМЕНИ А.В. ШУСЕВА ПРОХОДИТ ВЫСТАВКА «ПАЛЛАДИО В РОССИИ», ПОСВЯЩЕННАЯ ТРЕХСОТЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ РУССКОГО ПАЛЛАДИАНСТВА. ВЫСТАВКА ПОВЕСТВУЕТ НЕ ТОЛЬКО О ЗДАНИЯХ, ТАК ИЛИ ИНАЧЕ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИХ ОБРАЗЦЫ ГЕНИАЛЬНОГО ИТАЛЬЯНЦА, НО И О ТОМ, КАКИМИ КУЛЬТУРНЫМИ СМЫСЛАМИ ОНИ НАДЕЛЯЛИСЬ, КАКАЯ ЖИЗНЬ В НИХ ПРОТЕКАЛА, КАКИЕ ЛЮДИ ИХ СОЗДАВАЛИ И НАСЕЛЯЛИ. ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ВЫСТАВКИ, РАСПОЛОЖИВШАЯСЯ В ЦАРИЦЫНСКОМ ХЛЕБНОМ ДОМЕ, ПОСВЯЩЕНА ПАЛЛАДИАНСТВУ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА, ЕЕ ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТЕМА – РУССКАЯ УСАДЬБА, А ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ – НИКОЛАЙ ЛЬВОВ, ЧЬЯ ЛИЧНОСТЬ ЗНАЧИТ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НЕ МЕНЬШЕ, ЧЕМ ЕГО ПОСТРОЙКИ.

*Усадьба Знаменское-Раёк. Аэрофотосъемка.
Фото А. Лясникова*

Николай Александрович Львов, сын небогатого тверского помещика Александра Петровича Львова и Прасковьи Фёдоровны, урожденной Хрипуновой, происходил из старинного дворянского рода и появился на свет в сельской усадьбе Черенчицы Тверской губернии. Столь обычная начальная фраза биографии Львова поднимает в сознании русского человека целый ворох ассоциаций. Само звучание имени *Прасковья Фёдоровна Хрипунова* и упоминание о провинциальной усадьбе недалеко от старинного русского города навевают мысль об идиллической сельской жизни, воспетой Гоголем в повести «Старосветские помещики»: «Жизнь их скромных владельцев так тиха, так тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желания и беспокойные порождения злого духа, возмущающие мир, вовсе не существуют, и ты их видел только в блестящем, сверкающем сновидении». Пушкиным же в «Капитанской дочке» словно бы описано юношество Львова: он был зачислен в гвардейский полк будучи во чреве матери, воспитывался дома – не иначе как у «стремянного Савельевича» и «мосье Бопре», и в 18 лет был отправлен на службу. В Петербург Львов приехал, по сообщению биографа, «в тогдашней славе дворянского сына, то есть лепетал несколько слов французских, по-русски почти писать не умел, и тем только не дополнил славы своей, что к счастью не был богат, и, следовательно, разными прихотями избалован не был»¹, то есть, не имея денег, не мог, как прочие, предаваться кутежам, а все силы отдал учению. Военная наука не слишком его интересовала, и он прилежно изучал иностранные языки, увлекался поэзией, рисованием.

Стараниями дяди Михаила Соймонова Львов был устроен в Коллегию иностранных дел на должность курьера, что позволяло ему часто ездить за границу на казенный счет. За несколько лет он исколесил всю Европу – от Испании и Англии до Голландии и Дании. Брат Михаила – Юрий – был архитектором; вероятно, именно благодаря ему Львов, еще будучи кадетом, увлекся зодчеством.

Нам не известно ни одного здания, построенного Львовым в 1770-е годы. По всей видимости, архитектура была не самым значительным его интересом. По словам биографа, «Он любил и стихотворство, и живопись, и музыку, и архитектуру, и механику. Словом, он был любимое дитя всех художеств, всякого искусства»². Никакого профессионального образования ни в одном из искусств, впрочем, Львов не получил. Более всего, пожалуй, его занимала поэзия и вообще сочинительство. Львов стал членом литературного кружка, в который входили ведущие поэты эпохи – Державин,

Д.Г. Левицкий. Портрет Николая Александровича Львова. 1789. Холст, масло. 71x55,5. Государственная Третьяковская галерея. Москва

Капнист, Хемницер и другие. Сам Львов сочинял немного, большинство его стихов были написаны «по случаю», адресованы узкому кругу ближайших друзей и зачастую не предназначались для публикации. Среди своих друзей-литераторов Львов прослыл арбитром (или, как они сами говорили, «гением») вкуса, без одобрения и критических замечаний которого не могло быть опубликовано ни одно значительное произведение. Помимо этого, Львов организовывал любительские театральные представления, увлекался музицированием, занимался механикой и геологией.

Таким образом, Львов представлял собой типичную для европейской культуры сетчатую фигуру *conoscitore* и *dilettante* – просвещенного любителя, для которого науки и искусства – не профессия, а часть образа жизни, своего рода интеллектуальное хобби. В XVIII веке *dilettanti* играли важную роль во многих областях культуры, зачастую становясь в ее авангарде, – это касалось и архитектуры. Наиболее яркий пример – английские палладианцы во главе с лордом Бёрлингтоном. В России, где науки и искусства существовали лишь при императорском дворе, дилетанты появились только в царствование Екатерины II, способствовавшей независимости и экономическому процветанию русского дворянства. Львов был одним из первых и самых ярких русских *dilettanti*.

Блестящим архитектурным дебютом Львова стала победа в конкурсе на проект Иосифовского собора в Могилеве в 1780 году. На следующий год Львов отправляется в Италию, откуда возвращается вполне сложившимся палладианцем. Тогда же им был приобретен экземпляр трактата Палладио, впоследствии легший в основу его русского перевода. 1780-е годы – время наиболее активной деятельности Львова-архитектора.

Свободно владея тремя европейскими языками, много бывая в Европе, зная о последних европейских художественных веяниях, он был европейцем во всем – и в творчестве, и в жизни. Таким-то европейцем он, вернувшись из Италии, в 1782 году едет в свои «старосветские» Черенчицы, чтобы перестроить их по собственному – палладианскому – вкусу. Этот приезд, вероятно, был подобен тому, что сам Львов позже описал в поэме «Добрыня»: «Я вернулся из Парижа, был во фраке и с напудренной головой; крестьяне ничего этого не знали и принимали мой наряд и учтивости за кривлянья уличной обезьянки»³.

«Дом в деревне Черенчицы 15 верст от Торжка. Проектировал, чертил, иллюминировал, строил, гравировал и в нем живет Николай Львов» – начертано на экземпляре гравюры с изображением фасада усадебного дома, отправленном Львовым его другу А.Р. Воронцову. В этой остроумной и обаятельной подписи ощущается и гордость *self-made man*'а своим *self-made* домом, и радость усадебной жизни новоиспеченного помещика, и намек на кампанилизм (местный патриотизм) добившегося признания молодого провинциала – все это вложено в изображение небольшого двухэтажного дома, украшенного четырьмя колоннами ионического ордера и увенчанного бельведером.

С бельведера черенчицкого дома открывался вид на пологие холмы, поля и темнеющий вдаль лес. Перед домом был разбит английский сад, спускающийся к глади вод; стараниями Львова на месте болот возникла система соединенных протоками прудов, наполненных ключевой водой, на протоках устроены каскады.

При въезде в усадьбу возвышалась классическая ротонда – церковь Воскресения Христова, в будущем родовая усыпальница Львовых. То тут, то там среди зелени виднелись павильоны-«храмики» и беседки классических форм, у пруда была устроена купальня в виде грота. Над всем возвышался усадебный дом, к которому были пристроены изогнутые флигели, один из них – деревянный (на строительство каменного не хватило средств).

Классические формы имели и хозяйственные постройки – погреб в виде пирамиды, дро-

вяной сарай в виде античного периптера. Чуть поодаль стоял небольшой дом, специально выстроенный Львовым для своего друга Петра Вельяминова, подолгу гостившего в усадьбе. Тут же рига, зернохранилище, оранжерея, кузница и два десятка крестьянских изб – все достояние Львова-помещика.

Конечно, облик усадебных построек не был изобретением Львова. Внешний вид и даже планировка усадебного дома восходили к опубликованному в «Четырех книгах» Палладио проекту виллы Рагона с добавлением мотивов, напоминающих английский Чизик-хаус и камероновский Павловск. Храм-ротонда и вовсе кажется сошедшим со страниц Палладиева трактата. Все же парковые «затеи» наследуют паркам английских палладианцев, трудам Хиршфельда и прочим европейским прототипам. Однако главное во львовской усадьбе, которой он дал собственное имя, переименовав в Никольское, даже не архитектура или садовое искусство, но царящая повсюду атмосфера домашнего уюта и особое, трогательное очарование привольной сельской жизни молодого поэта. Львову не хватает денег на достройку дома в камне, но он не может отказать себе в удовольствии возвести на берегу искусственного пруда очередную ротонду или выстроить сарай периптером – в этом явное отличие Никольского от монументальной суровости вилл Палладио или холодной элегантности английских парков. Даже крепостное право не кажется здесь формой рабства: крепостные живут бок о бок с хозяином, а античные портики, как некогда мечталось Палладио, осеняющие

Н.А. Львов. Дом в усадьбе Никольское-Черенчицы. Главный фасад. 1780-е гг. Офорт, акварель, надпись тушью. Алушкинский дворцово-парковый музей-заповедник

полевые работы, наводят на мысли о буколических радостях античности и о Золотом веке.

В те же годы зараженный палладианством Львов с рьяностью неопита проектирует усадьбы для своих ближайших друзей и родственников – тех, кому он адресовал свои стихотворения. Многие из них жили в ближайшем соседстве. Стараниями Львова, большого патриота своей малой родины, Торжок и его округа, располагающиеся на полпути из Петербурга в Москву, становятся русской Виченцей, излюбленным местом строительства загородных резиденций и средоточием хорошей архитектуры.

Строя усадьбы, Львов заботился об их удобстве для жизни – тщательно продумывал планировку комнат, хлопотал о правильном отоплении (которому позже посвятил отдельный труд – «Русская пиростатика»), водоснабжению и прочем. Даже в комментариях к трактату Палладио Львов особое внимание уделял планировке: «В Италии, конечно, можно строить дома и по плану шахматной доски. Хозяин занимает там часто один уголок палат своих, а в остальных покоях картины и мраморы морозу не боятся. Сквозного ветру итальянцы не знают и по имени, и в комнате у них зимою, как на дворе, а летом на дворе, как в комнате, все настезь, двери и окна, как решетки; но со всем тем мы к ним греться ездим. Так годится ли правило равновесия в нашем климате, и какое равновесие мороз в 28 градусов перевесит?»⁴. Большинство львовских усадеб предназначалось для долговременного, иногда даже постоянного проживания – отсюда забота о максимальном комфорте. Усадьбы должны были стать вторым жильем, альтернативой

столичной жизни. Львов и большинство его заказчиков принадлежали к тем дворянам из окружения Екатерины, что, даже если и занимали высокие должности, держались несколько особняком. Их можно назвать умеренной оппозицией, усадьба была для них пространством личной свободы, а усадебная жизнь – особой формой эмиграции, подобной той, о которой грезил мечтавший наконец выйти в отставку и уехать прочь из столицы Пушкин:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Если для официального палладианства Кваренги была важна похожесть возводимых зданий, особенно общественных, как «демонстрация единства стоящей над нацией элиты», то в частном, «дружеском» палладианстве Львова подчеркивалась индивидуальность – вечная спутница свободы. Все львовские усадьбы, а они создали немало, хотя и варьируют несколько основных палладианских схем, отличны друг от друга. И если первые опыты Львова в усадебном строительстве недалеко ушли от своих палладианских прототипов, то со временем его усадьбы становились все менее ортодоксальными.

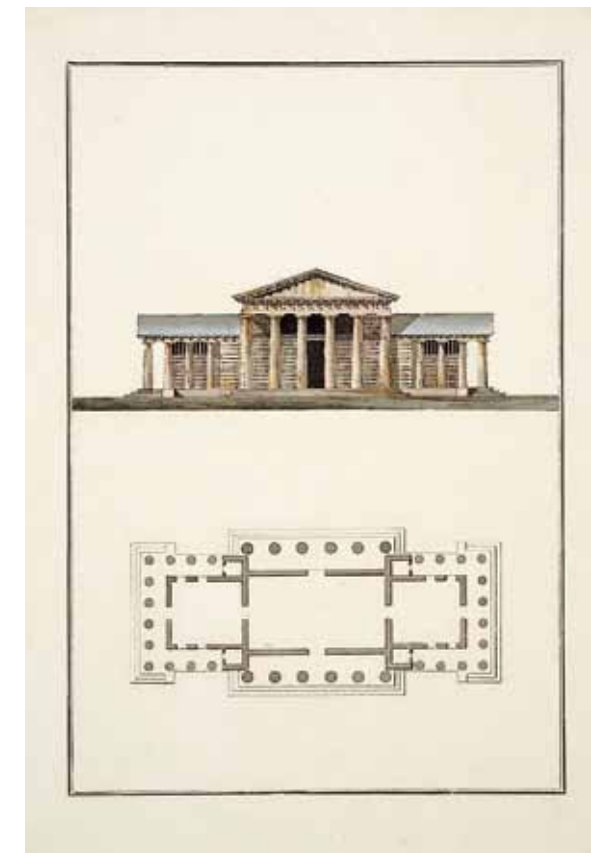
Пожалуй, наиболее эффектен особняк в усадьбе Знаменское-Раёк неподалеку от Торжка. В центре знакомая палладианская схема: компактный двухэтажный дом с четырехколонным портиком и бельведером под круглым куполом, фланкированный полукруглыми галереями. Однако, в отличие от вилл Палладио, галереи эти не прерываются, но тянутся

М.Н. Воробьев. Вид села Никольского. 1812. Бумага, тушь, перо. 18,8x26,3. Государственная Третьяковская галерея. Москва

Н.А. Львов. Проект церкви с колокольней. 1790-е гг. Бумага, тушь, акварель. 48,5x32,8. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева. Москва

Н.А. Львов. Проект деревянного сарая в усадьбе Никольское. 1780-е гг. Бумага, тушь, акварель. 46x34,5. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева. Москва

все дальше и дальше, образуя перед усадебным домом огромный округлый двор, напоминающий римскую площадь Святого Петра Бернини, – характерное для Львова сочетание несочетаемого. Особенно эффектны виды усадьбы с воздуха; на них заметно, что овал усадебного двора со всех сторон окружен деревьями парка: отгороженная от окружающего мира усадьба – «обитель дальняя» – возникает как архитектурное чудо посреди леса. Гостию усадьбы, сквозь триумфальную арку входных ворот попадающему в объятья львовских колоннад, вдруг особенно внятным становилось ее название: Раёк, то есть маленький Рай.

На первых порах, как и положено правоправному европейскому палладианцу, Львов игнорировал любые местные традиции. Однако соседство палладианских зданий с крестьянскими избами не могло не дать о себе знать. Соединение стилей Руси и Европы проявилось уже при строительстве деревянного сарая усадьбы Никольское, вероятно, в сере-

дине 1780-х годов. Сочетание традиционного деревянного сруба с грубо вытесанными деревянными же колоннами, его окружающими, – своего рода архитектурная шутка, но, как это обычно бывало в XVIII веке, шутка многозначная, способная напомнить о популярных в то время теориях о происхождении ордера от деревянной архитектуры древних и о примитивной хижине как прототипе всей классической архитектуры. Русская традиционная архитектура уподобляется строениям архаических греческих племен, что вовсе не было уничижительно: русские, в духе Греческого проекта, сравнивались с греками, что делало их потенциальными творцами новой классики. Реинкарнации Эллады в России Львов пытается способствовать всей своей деятельностью. Спустя несколько лет он выпускает в свет перевод трактата Э.А. Петито «Рассуждение о перспективе», созданного как учебное пособие для народных училищ – замечательного явления русской эпохи Просвещения,

С.М. Прокудин-Горский. Борисоглебский монастырь с моста. Торжок. 1910. Цветная фотография с трех негативов. 8x9. Библиотека Конгресса США. Вашингтон

первых государственных бесплатных общеобразовательных школ, в которых, помимо прочих дисциплин, преподавалась и архитектура. На фронтисписе, лично выгравированном Львовым, помещено аллегорическое изображение Перспективы, справа от которой, за приподнятой амуром драпировкой, открывается вид на окруженный сверканием могилевский собор Св. Иосифа, здесь особенно явно напоминающий виллу Ротонда – светлую цель учения крестьянских детей.

Львов не только учит народ, но и сам перенимает вековые русские архитектурные традиции. В 1785 году он создает проекты двух храмов – собора Борисоглебского монастыря в Торжке и церкви в усадьбе Воронцовых Мурино. Первый являет собой вариацию виллы Ротонды Палладио и Софийского собора Камерона – талантливую, изобретательную, но вполне традиционную. Второй – удивительное многоярусное сооружение, у подножия кото-

рого помещен Палладиев четырехколонный портик. По некоторым сведениям, этим портиком да двумя фланкирующими его абсидами изначально композиция церкви и ограничивалась. Однако в ходе строительства было решено вместо частного храма-усыпальницы возвести приходскую церковь, следовательно, потребовалось поставить и колокольню. Над портиком вознеслась восьмиугольная звонница, увенчанная купольной ротондой-бельведером. Столпообразная композиция храма, совмещавшего в одном объеме колокольню и церковь, прямо отсылала к характерным для древнерусского зодчества XVI–XVII веков церквям «иже под колоколы». В этой львовской церкви палладианство впервые зазвучало на русский лад.

Разница в подходе к проектированию двух храмов была обусловлена еще и тем, что Борисоглебский собор был строением городским, на закладке присутствовала сама Екатерина II,

и потому его архитектура должна была соответствовать высочайше утвержденному канону, в который отсылки к допетровской Руси не входили. Муринская же церковь, возведенная в частной усадьбе – оплоте личной свободы, могла быть сколь угодно своеобразна и экспериментальна.

Эта двойственность преследовала Львова все десятилетие. В 1792 году, во время работы над усадьбой Державина, Львов адресовал ему такие строки:

Домашний зодчий ваш
Не мелет ералаш,
Что любит жить он с мужиками.
В совете с правыми душами
Жить
Пришлось как-то мне по нраву,
Двенадцать лет я пил отраву,
Которую тебе советую не пить...
А здесь меж мужиками,
Не знаю отчего, я как-то стал умен,
Спокоен мыслями и нравом стал равен,
С надеждою ложусь, с утехой просыпаюсь,
С любовью выхожу, с весельем возвращаюсь⁵.

Двенадцать лет «пития отравы» Львов отсчитывал от того самого 1780 года, когда был замечен Екатериной и приближен ко двору, где был «употребляем при Кабинете» для разных нужд – то создавал эскизы ордена Св. Владимира, то организовывал придворный праздник, то изготавливал модели кораблей для внуков императрицы, не говоря уже о службе в Почтовом департаменте и архитектурных проектах. Счастье же европеец Львов находит не в суетливом блеске столич-

ного двора, но в размеренной провинциальной «жизни с мужиками» – в той самой русской усадебной дремоте, в которой он провел свое детство.

В 1790-е годы русская тема все больше и больше увлекает Львова. В 1791 году он издает «Собрание народных русских песен с их голосами» – одно из первых в России, в 1792-м – публикует найденную им древнерусскую летопись, а в 1796-м – сочиняет поэму «Добрыня», написанную, по примеру русских былин, тоическим стихом.

В конце того же 1796 года умирает императрица Екатерина и на престол восходит Павел I. Покровитель Львова князь Безбородко был одним из очень немногих екатеринских вельмож, что смогли сохранить свое влияние при новом императоре – благодаря Безбородко Львов становится приближенным Павла. У архитектора появляется возможность исполнить многие нереализованные замыслы и проекты – организовать добычу каменного угля, популяризировать землебитное строительство, а также предпринять в 1798 году издание русского перевода «Четырех книг по архитектуре» Палладио.

На следующий год после выхода трактата Безбородко умирает. Дела Львова моментально расстраиваются; недоброжелатели, почувствовав незащитность архитектора, возводят на него обвинения в злоупотреблениях и растратах; здоровье его ухудшается, и в 1803 году, за несколько дней до Рождества, Николай Александрович Львов умирает.

Последним проектом архитектора, осуществленным уже после его смерти, стала церковь

В.Э. Борисов-Мусатов. Призраки. 1903. Холст, темпера. 117, x144, 5. Государственная Третьяковская галерея. Москва

Спаса Нерукотворного. Этим проектом Львов словно бы подводит итог своей деятельности, возвращаясь к ее поворотному моменту. Церковь принадлежит к специфически русскому типу надвратных храмов и расположена в Борисоглебском монастыре в Торжке – том самом, где в 1785 году, в начальный период своей архитектурной деятельности, Львов возвел главный собор – вилла Ротонда. Структура надвратного храма очень напоминает созданную Львовым в том же 1785 году муринскую церковь «иже под колоколами», с которой мы отсчитывали начало русской темы в его творчестве. По сравнению с предшественницей, церковь 1803 года отличается обилием декора: палладианские мотивы дробятся и множатся, напоминая русское архитектурное узорочье XVIII века. Палладианский портик, прежде главенствовавший, придавая всей композиции монументальное звучание, теперь отходит в тень, подчиняясь энергичной устремленности ввысь элегантно, увенчанной шпилем церкви. Созданный Львовым ансамбль Борисоглебского монастыря, в котором два его храма – строго-палладианский и русско-палладианский гармонично соседствуют со старыми монастырскими постройками XVIII века, – венец его творчества, символ окончательного вхождения палладианства в сердцевину русской культуры, примирения Руси и Европы под палладианским портиком.

Борисоглебский монастырь находится в самом центре Торжка и столь же важен для его облика, как сформированная Палладиевыми зданиями Пьяцца деи Синьори для Виченцы. Торжок стал городом Львова, так же, как Виченца – городом Палладио. Их сравнение – утопающий в зелени, полудеревенский, похожий на большую усадьбу, немного хаотичный, но невероятно обаятельный и уютный Торжок и строгая, дворцовая, урбанистическая Виченца – лучше любого архитектурного анализа объясняет своеобразие львовского толкования палладианского канона.

Архитектурный стиль Львова не получил дальнейшего развития. Львов-архитектор не был знаменит при жизни, и в XIX веке его помнили прежде всего как поэта. Интерес к Львову возрастал по мере изучения русской усадьбы, активно начавшегося во время Серебряного века, усадьбы обожавшего, в особенности же усилился после революции, когда родовые имения были национализированы, то есть, с одной стороны, стали доступны для публики, с другой – жестоко разграблены, а подчас и вовсе разрушены. Картина «Призраки» В.Э. Борисова-Мусатова, представившая мир русской усадьбы как Элизиум, царство мертвых душ, стала восприниматься как пророческая.

Что прошло, то стало мило. Канувшая в небытие русская усадьба стала в советское время образом потерянного рая, а Львов – архитектор, помещик и поэт русской усадьбы – ее олицетворением и главным русским палладианцем, поскольку усадебное палладианство значит для русской культуры больше, чем городское. Архитекторы большинства усадеб неизвестны, поэтому лучшие из них зачастую приписывают Львову – так же, как лучшие иконы XV века приписывали Андрею Рублеву. Сегодня Львовым в России занимаются больше, чем Кваренги или Камероном, исследователи его творчества – «львоведы» – образовали замкнутую касту, ревниво оберегающую его от посягательства профанов. Интерес к Львову обусловлен не только и даже не столько архитектурными качествами его построек, сколько притягательностью его личности, неотделимой от его произведений и от мифа русской усадьбы – важнейшей составной части национального образа золотого века.

Миф русской усадьбы зародился еще в XIX веке и уже тогда подспудно был с Львовом связан. Свидетельство тому – знаменитая картина «Бабушкин сад» Василия Polenova, важнейший национальный образ ностальгии по ушедшему золотому веку и один из центральных экспонатов выставки «Палладио в России». Изображенный на картине нелепый, но чрезвычайно обаятельный и в общих чертах палладианский деревянный особняк городской усадьбы становится у Polenova олицетворением всей старой, усадебной России. Polenov был правнуком Львова по материнской линии, часто бывал в Никольском, к тому времени уже пришедшем в запустение, и, создавая свою картину, не мог не помнить о прадеде, чьими стараниями образ небольшого здания с портиком и фронтоном, окруженного садом или смотрящегося с пригорка в гладь пруда вошел в плоть и кровь русской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Львов Н.А. Избранные сочинения / Вступ. ст., сост. и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1994. С. 363.

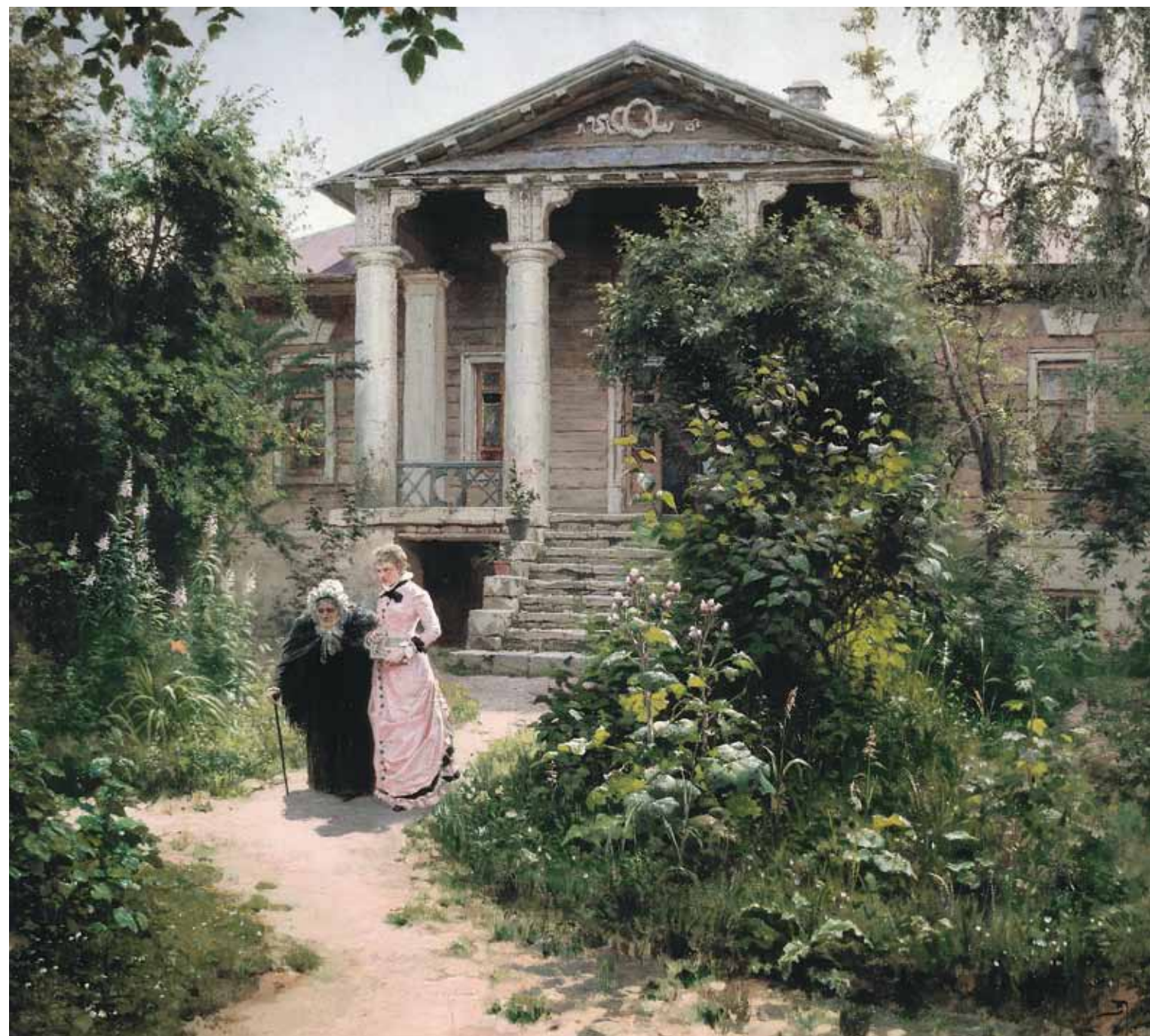
² Там же. С. 366.

³ Там же. С. 288. (Перевод К.Ю. Лаппо-Данилевского, в оригинале по-французски.)

⁴ Четыре книги Палладиевой архитектуры, в коих, по краткому описанию пяти орденов, говорится о том, что знать должно при строительстве частных домов, дорог, мостов, площадей и храмов / Перевод, предисловие и комментарии Н.А. Львова. СПб., 1798. Кн. 1. Гл. XXI. С. 58. Примеч. 32.

⁵ Львов Н.А. Указ. соч. С. 61.

Ключевые слова: Львов, палладианство, усадьба, Палладио, классицизм, архитектура, Торжок.

В.Д. Поленов. Бабушкин сад. 1878. Холст, масло. 54,7х65. Государственная Третьяковская галерея. Москва